

1957

Д/В

И. ДАВЫДОВ

ЧУЖАЯ КНИГА

1466802 - КФ - 10 р.

Р2

Д13

Идов, Исай.

нига. - 39 с.: рис. -

д-во, 1957

P2
A13

Безруку Ми-
халюкову
написать по
делу на
с. у. на. Т. 10. 10.
Т. 10. 10. 10.
Т. 10. 10. 10.
Т. 10. 10. 10.

ЧУЖАЯ КНИГА

РАССКАЗЫ

М 1466802

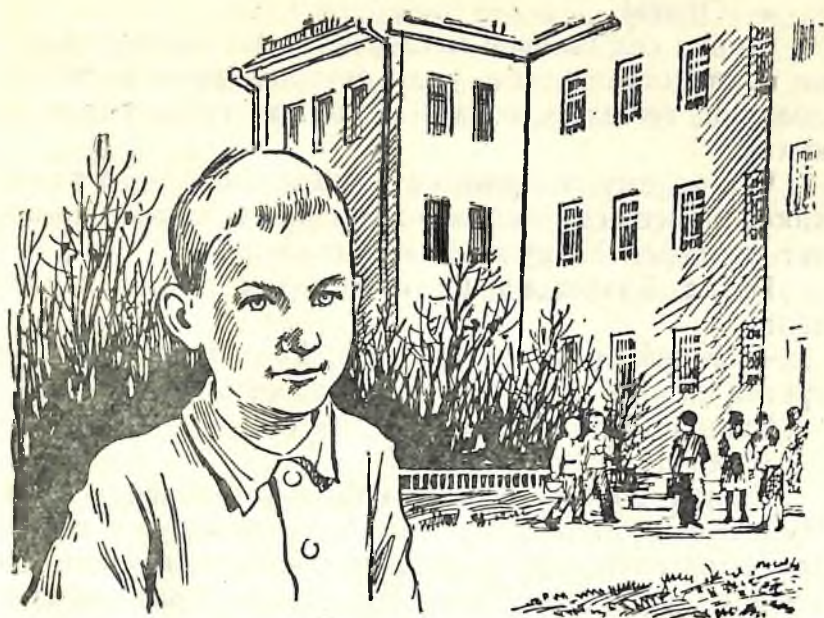
Рисунки И. П. КОТОВЩИКОВА

ТЮМЕНСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1957

Тюменская областная
научная библиотека
имени Д. И. Менделеева

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is written in cursive and appears to be a list or set of instructions, possibly related to a survey or field notes. It includes phrases such as "No. 10", "No. 11", "No. 12", "No. 13", "No. 14", "No. 15", "No. 16", "No. 17", "No. 18", "No. 19", "No. 20", "No. 21", "No. 22", "No. 23", "No. 24", "No. 25", "No. 26", "No. 27", "No. 28", "No. 29", "No. 30", "No. 31", "No. 32", "No. 33", "No. 34", "No. 35", "No. 36", "No. 37", "No. 38", "No. 39", "No. 40", "No. 41", "No. 42", "No. 43", "No. 44", "No. 45", "No. 46", "No. 47", "No. 48", "No. 49", "No. 50".

1880

САШКА

— А теперь, Копылов, принеси свой дневник, — сказала Анна Петровна. — Ты почему-то всегда выходишь к доске без дневника.

Сашка понуро поплелся к своей парте, взял засаленный дневник и положил его на учительский стол. Анна Петровна вывела жирную двойку. Не дожидаясь, пока высохнут чернила, Сашка захлопнул дневник.

С передней парты Владик Молчанов показал назад два пальца. Класс притих, и в наступившей тишине стало слышно, как Ритка Кузнецова прошептала:

— Опять!..

Сашка сел на свое место, положил голову на руки и представил себе, как вечером мама раскроет дневник, тяжело вздохнет и, поджав губы, уйдет на кухню.

Что ж, ему не привыкать... Все около него вздыхают, на всех собраниях о нем говорят и даже на совет пионерской дружины вызывали.

Ритка Кузнецова на совете так прямо и сказала:

— Копылов у нас отпетый. Еле-еле переполз в третий класс и опять учится на двойки.

Сашка тогда обещал исправиться.

А сегодня снова двойка!

Сашка до боли сжал зубы и уставился в окно. Ну и пусть отпетый! Ну и пусть! И никому он не будет объяснять, что в сегодняшней двойке виноват вовсе не он, а сама Ритка Кузнецова. Принесла вчера во двор котенка, поиграла с ним и бросила. А котенок бедный, мяучит, тычется во все стороны носом, есть просит. Разве Сашка мог его одного оставить? Конечно, не мог! Принес его домой, накормил молочным супом, который ему мама на обед оставила, игрушки котенку сделал — привязал к стулу бумажки на ниточках. А когда котенок наигрался вволю, ему уж постель была готова в тумбочке. Сашка вынул оттуда мамины ботики и галоши и постелил широкое китайское полотенце с розовыми полосками, которое взял в ванной. Только котенок почему-то в тумбочке спать не захотел и уснул на батарее центрального отопления, где ничего не было постелено.

А когда он уснул, Сашка и сам спать захотел. Где уж тут было делать уроки! Да разве это кому-нибудь интересно? Скажи про котенка — засмеют. Или ответят, как Ритка Кузнецова всегда отвечает:

— Надо было вначале сделать уроки, а потом развлекаться. Делу время — потехе час.

Сашке надоело смотреть в окно, и он стал слушать Анну Петровну, которая уже давно объясняла новый урок.

На перемене к Сашке никто не подошел. Ребята с жалостью поглядывали на него, как будто у него случилось большое несчастье. Месяц назад все так же глядели на звеньевого Владика Молчанова, у которого умерла бабушка.

Сашка вспомнил, как после прошлой двойки Владик Молчанов подошел к его парте и сказал:

— Подвинься!

Сашка подвинулся.

Владик сел рядом и протянул Сашке руку:

— Давай пять!

— Зачем это? — удивился Сашка. — Мы же сегодня с тобой здоровались.

— Все равно давай! Это в знак того, что мы с тобой вместе заниматься будем.

— Очень надо! — процедил Сашка сквозь зубы. — Помогать пришел, да? Как отстающему, да? Очень нам надо!

— Давай, давай! — улыбнулся Владик. Вопреки Сашкиным ожиданиям, он не обиделся.

— Не дам! Не надо мне твоей помощи. Сам уж как-нибудь...

— Ну, послушай, Саша. — Владик пододвинулся ближе и обнял Сашу за плечи. — У тебя же никак не получается. А ты можешь хорошо учиться. Ведь написал же ты контрольную на четверку. Просто ты неорганизованный. Поэтому я и говорю: давай заниматься вместе. Честное пионерское, у нас получится. Это же очень просто.

— Очень надо! — Сашка повел плечом и сбросил руку Владика на парту. — Неорганизованный я, да?

Ну, и пусть неорганизованный! Ну, и пусть! И не твое дело!

— Брось дурить, Сашка.— Владик нахмурился, и от этого густой ежик белесых волос на его голове как-то резко сдвинулся вперед.— Это все мое дело, раз уж я твой звеньевой. Когда тебя в пионеры не хотели принимать, я первый за тебя поручился. Забыл, что ли? А ты говоришь, не мое дело. Сегодня после обеда приходи ко мне готовить уроки. Ладно? Или, хочешь, я к тебе приду.

— Не надо мне!— Сашка отвел глаза от Владика и в упор посмотрел на доску.— Сам как-нибудь управлюсь.

— Хорошо.— Владик стукнул ладонью по парте.— Дай честное пионерское, что сделаешь сегодня все уроки!

— Вот еще! По пустякам честное пионерское давать...

— Это не пустяки.

— Ну, ладно. Сделаю.

— Честное пионерское?

— Ну, честное. Сказал — сделаю!

Считая разговор оконченным, Сашка поднялся и побежал к дверям. Пока длилась перемена, он хотел покрутить во дворе колеса грузовика, который стоял на колодках.

Однако выбежать сразу во двор ему не удалось. В коридоре, возле дверей класса, его остановила Рита Кузнецова.

— погоди, Копылов, постой.

— Ну, чего тебе?

— Не «нукай». Я с тобой серьезно говорю, как председатель совета отряда.

— Ну, говори серьезно. Только быстрее.

— Я решила до конца четверти заниматься с тобой по арифметике. Так больше нельзя. Твои двойки

кладут черное пятно на весь класс. Сегодня приходи ко мне и будем решать задачи вместе.

Сашка захохотал:

— Ох, умора! Ох, умора! И думает, я буду с ней заниматься!.. Да я с девчонками сроду уроков не учил.

— А теперь будешь учить!

— И не буду! И не буду! Сроду девчатником не был. Девчонки все зубрили.

— А ты хуже любой девчонки учишься!

Сашка промолчал. Действительно, ни у кого в классе не было столько двоек, сколько у него.

Рита, увидев, что он молчит, осмелела:

— Так ты сегодня в четыре придешь ко мне. Слышишь? Это я тебе как председатель совета отряда приказываю.

— И не приду!— ответил Сашка.— Никакой совет не заставит меня к девчонкам бегать.

Он показал Рите язык и побежал во двор. Но не успел он выскочить за дверь, как раздался звонок. Сашка все-таки не остановился, добежал до грузовика, крутнул два раза ногой тяжелое заднее колесо и снова побежал в школу.

А сегодня ребята, наверно, думают о том, что он не сдержал честного пионерского. Чего доброго, еще из пионеров из-за этого исключат... А что? Очень даже просто! Раз не сдержал слова...

Сашка представил себе, как ему одному из всего класса придется ходить в школу без красного галстука. Это было так стыдно, так неприятно, что у него даже пропало желание бежать во двор, чтобы покрутить колеса грузовика.

После уроков, когда все собрались домой, Рита Кузнецова неожиданно объявила:

— Члены совета отряда, останьтесь. Будет экстренное заседание.

Сашка видел, как Владик Молчанов, который уже был у дверей, неохотно повернулся и сел за первую парту.

Дома, сразу же после обеда, Сашка разложил на столе учебники, сел и старательно вывел в тетради по арифметике: «20 апреля».

Затем он прочитал первую из заданных на дом задач и стал прикидывать на промокашке, сколько в ней будет вопросов.

В это время к нему вбежал Ленька Перминов, который жил в соседней квартире. Кепка у Леньки была надета козырьком назад, глаза блестели.

— Сашка!— выдохнул он.— Косой настоящие магниты принес! Бежим во двор!

Косым во дворе звали Петьку Самсонова, у которого один глаз слегка косил. Отец Петьки работал механиком в гараже и часто приносил домой интересные вещи — сгоревшие свечи зажигания от автомашин, негодные шестеренки, а однажды даже принес настоящую баранку руля со сломанной спицей. Магнитов он до сих пор не приносил, и поэтому посмотреть на них надо было обязательно.

Через три минуты Сашка уже был во дворе и, взяв у Петьки один из трех больших, изогнутых, как подкова, магнитов, прикладывал его к водосточной трубе.

В это время к нему неожиданно подошел Владик.

— Ух, ты! Настоящий магнит?— спросил он.— Вот здорово! Дай-ка на минутку.

Сашка дал. Владик тоже приложил магнит к водосточной трубе и к замку своего портфеля. Потом он вынул из портфеля железную ручку, через которую очень удобно стрелять жеваными бумажными шариками, и приложил ее к концам магнита, ручка повисла, как приклеенная.

— Чей это магнит?— спросил Владик.

— Петькин. Вон косою пацан сидит.

Владик вернул Сашке магнит, и Сашка снова стал прикладывать его к водосточной трубе. Владик куда-то отошел. Через несколько минут, обернувшись, Сашка увидел, что он шепчется с Петькой Косым. Пошептавшись с ним, Владик снова подошел к Сашке. А Петька стал шептаться с Ленькой Перминовым и потом с другими ребятами.

Сашка обиделся и решил ни о чем не спрашивать. Шепчутся без него, ну и пусть шепчутся!

Когда он испытывал магнит на пряжке своего ремня, Петька подошел и сказал:

— Давай магнит. Мне домой пора.

— Что это ты так рано?

— Уроков сегодня много. Давай!

Сашка неохотно отдал магнит и обвел глазами двор. Где же Ленька? Хорошо бы сейчас в ножички сыграть!..

Но во дворе никого, кроме них с Владиком, не было. Петька Косою вразвалочку входил в подъезд.

Сашке вдруг стало скучно. Одному во дворе делать было нечего. Владик ведь не будет в ножички играть...

Посмотрев по сторонам, Сашка зевнул, нагнулся, поднял кверху ноги и прошелся до скамейки на руках. Сев на нее верхом, Сашка стряхнул с ладоней землю и спросил Владика, который восхищенно смотрел на него:

— Что? Здорово?

— Здорово! Я так не умею.

— Подумаешь! Это легко. Хочешь, научу?

— Хочу. Только не сейчас.

— А когда?

— Позже. Или сегодня вечером, или завтра. Я к тебе приду.

— А сейчас что будем делать?

— Пошли к тебе, поговорим.

— О чем?

— Ну, пойдем — узнаешь.

Сашка встал, и они пошли к подъезду.

В комнате Владик с таинственным видом нагнулся над столом и сказал:

— Знаешь, что сегодня на совете отряда было?

— Нет.

— Ну, вот слушай. Я тебе по секрету скажу, потому что ты свой парень. Только ты никому ни звука. Слышишь?

— Слышу.

— Дай честное пионерское.

— Честное пионерское, никому не скажу.

— Ну, вот. Анна Петровна сегодня по секрету сказала нам, что в каникулы школа будет проводить пионерский поход по сбору пословиц и поговорок. Директор машину даст, и можно будет по всем деревням района ездить. А ночевать в палатках, у костра. Кто больше пословиц соберет, про того в «Пионерскую правду» напишут.

— Правда?

— Ага! Только в поход по одному человеку от каждого звена возьмут. И только тех, у кого по русскому в четвертой четверти двоек не будет. А то как же пословицы собирать, если русского не знаешь?

— Ну, и что? От нашего звена ты и поедешь.

— Я не поеду, — сказал Владик. — Я, как занятия кончатся, сразу — в лагерь. От папиного завода. А вот ты можешь.

— Меня не возьмут. Я же двоечник.

— Возьмут! Ты исправь, особенно русский, и возьмут. Я Анну Петровну упрошу. Поручусь за тебя — и все. Вот честное пионерское — если у тебя в

четверти не будет двоек, я за тебя поручусь. Хочешь пять?

Владик протянул руку ладонью кверху.

Сашка подумал. В поход ему очень хотелось. И он с размаху опустил на ладонь Владика свою ладонь.

— Идет! Прямо сейчас берусь за русский. Что нам сегодня задали?

...Незаметно пролетел час. Когда Сашка распрямил уставшую спину, все упражнения и у него и у Владика были сделаны, все правила — выучены.

— Пошли, погуляем, — предложил Сашка.

— Да, арифметику еще надо сделать, — сказал Владик.

— Не убежит она, арифметика! Пошли, погуляем немножко, а потом будем делать арифметику.

Сашка решительно встал из-за стола. Владика тоже пришлось встать.

Петька Косой со своими магнитами уже опять был во дворе, и Сашка стал прикладывать магниты один к другому и смотреть, какой стороной они притягиваются.

Вдруг из своего подъезда пулей вылетела Ритка Кузнецова и побежала к Сашке.

— Сашка! Сашка! — закричала она еще издали. — Ты задачи решил?

— Нет. А что?

— Ой, там в задачнике ошибка. С ответом не сходится. Я пять раз решала — и все не сходится. Ошибка там.

— Да не может быть, — сказал подошедший Владик. — В задачнике ошибок не бывает.

— Очень даже бывает! — возразила Рита. — Ты их решал?

— Нет еще.

— Ну, вот и не спорь. Если не веришь, пойдём — сам увидишь.

— Пойдём, — согласился Владик. — Увидим. Только пошли к Сашке. Мои тетрадки у него.

Сашка растерянно поддержал его.

— Да, Рита, уж пойдём ко мне.

— Ну, пойдём, — согласилась Рита.

Первая задача решилась удивительно легко. И с ответом точно сошлось. И вторая легко решилась. Над третьей Рита сидела долго, черкала бумагу и даже от злости порвала пером Владикову промокашку. Но задачу решила. И Сашка её решил. И Владик тоже. И с ответом у всех сошлось.

— Не понимаю, — терла лоб Рита. — Чего же она у меня дома не выходила? Ведь пять раз решала — и все не сходится. А теперь сошлось...

— Ну, и хорошо, что сошлось, — сказал Владик. — И незачем думать, почему она у тебя не выходила.

— Правда, — поддержал его Сашка. — Чего теперь думать! Пошли лучше во двор.

— Сейчас пойдём, — пообещала ему Рита. — Только скажите, мальчики: вы по чтению стихи выучили?

— Нет, — сказал Владик.

— Ой, а как же?

— Подумаешь! — махнул рукой Сашка. — Все равно не вызовут. Пошли лучше...

— А вдруг вызовут? — Рита испуганно посмотрела на него.

— Да, могут вызвать, — серьёзно качнул головой Владик. — И потом чтение — это ведь тоже по существу русский... Тут... — он прищелкнул языком и подмигнул Сашке, — тут не стоит рисковать.

Сашка понял: Владик намекал на поход. Оно и верно: чтение — тоже русский.

— Давайте, мы сейчас, быстренько,— предложила Рита.— Оно же маленькое.

Она взяла учебник Владика и стала читать вслух. Сашка и Владик повторяли за ней. Сашка почему-то выучил первый. Рита даже не поверила этому. Тогда Сашка, не глядя в книгу, без запинки прочитал все стихотворение от начала до конца.

Теперь этому не поверил Владик.

— Не может быть, чтобы так быстро, — сказал он.— Не может быть...

— Ну как же не может быть,— возмутилась Рита,— когда он только что прочитал его. Ну, Сашка, докажи ему — прочти еще раз.

Сашка прочел.

Тогда Рита захлопнула книгу.

— Вот теперь пошли гулять.

— А ты как же?— спросил Сашка.

— Я потом выучу. Я всегда перед сном учу.

— И я — перед сном,— сказал Владик.

Сашка недоверчиво покачал головой и подумал: «И как это можно учить перед сном? Ведь спать хочется!»

Но разбираться в этом ему не хотелось. Он быстро засунул учебники и тетради в портфель и кивнул на дверь:

— Пошли во двор!

Владик посмотрел на будильник и сказал:

— Как мы сегодня быстро уроки выучили! И погулять еще можно. Давайте все время у Сашки учить! У него хорошо получается...

— Давайте,— согласилась Рита.

Сашка растерянно перевел глаза с Риты на Владика. Возражать теперь было неудобно.

— Ну, что ж, давайте у меня!— махнул он рукой.— А сейчас айда на улицу!

Во дворе они встретили Сашкину маму. Она шла с работы.

— Марш домой!— строго сказала она Сашке.— Пора уроки учить!

— Я уже выучил, мам.

— Не обманывай. Иди домой!

— Он не обманывает,— серьезно сказал Владик. — Он, правда, выучил. Я вам ручаюсь за него.

Мама внимательно посмотрела на Владика, на Риту, на Сашку, улыбнулась и стала медленно подниматься по лестнице.

ЧУЖАЯ КНИГА

Надя сидела на диване и читала. Книга была очень интересная — про маленькую девочку, которую в войну увезли с Дона в Германию. В одном месте Надя даже заплакала. Ей было жалко маму этой девочки, которая после войны много лет разыскивала ее по всем детским домам страны и никак не могла найти. А девочке сказали, что ее мама в Америке, и увезли за океан.

Сначала эту книгу прочитала Валька Силина и говорила о ней в школе целую неделю. Наде тоже захотелось ее почитать.

— Принеси ее мне,— попросила Надя.— Я прочту быстро-быстро. Целыми днями буду читать. Даже гулять не пойду.

— Ой, что ты!— Валя подняла руки к груди, как будто ловила мяч.— Книжка не моя.

— А чья?

— Толькина. Это наш соседский мальчишка. Ужасно жадный.

— А если у него попросить? Неужели не даст?

— Я не буду.— Валя помотала головой, и ее короткие тугие косы с красными бантиками прочертили в воздухе две дуги.— Я для себя-то еле выпросила. И он сказал: никому не давать. Если хочешь — проси у него сама.

— Хорошо, — согласилась Надя. — Пойдем сегодня к тебе после уроков, и я попрошу. Ладно?

— Ладно.

Увидев Тольку, Надя подумала, что он учится уже, наверно, в пятом или шестом классе. Несмотря на то, что очки у него всё время смешно съезжали на одну сторону, Толька казался очень важным. Возможно, это происходило оттого, что за спиной у него стояла большая полка, битком набитая книгами.

Он выслушал Надю, поправил очки и спросил почему-то у Вали:

— А с книгами твоя подруга умеет обращаться?

— Умею! Умею!— поспешила ответить Надя.

— А ты не слюнявишь пальцы, когда перелистываешь страницы?— На этот раз Толька обратился уже к Наде.

— Нет, что вы! — ответила Надя. — Я ее в белую бумагу оберну. Вы не думайте! Книга будет целая и чистая.

— Ну, хорошо,— смягчился Толька и протянул Наде красивую темнозеленую книгу с золотой надписью на корешке.— Никому не давай и через неделю принеси. А то больше ничего не получишь.

И вот уже второй день Надя читала. Книга, действительно, была такая, что не оторвешься.

В коридоре раздался звонок. Надя не шелохнулась. Не хотелось уходить от книги даже на минутку.

Из столовой в коридор прошлепала тапочками бабушка. Скоро послышался ее голос:

— Наденька! Иди сюда! Тетя Катя пришла.

Надя неохотно положила книгу на диван и побежала в коридор. Тетю Катю она не особенно любила, но бабушка говорила, что с ней, как и со всеми, нужно быть вежливой.

Мама, которая недавно надолго уехала в командировку, тоже старалась быть с тетей Катей вежливой, хотя Надя видела, что маме это не всегда удавалось.

Тетя Катя жила на соседней улице и приходила почему-то всегда не вовремя — когда у бабушки стирка или уборка, или когда у Нади завтра контрольная, и надо много учить, или вот как сегодня, — когда надо быстро прочитать интересную книжку.

Бабушка как-то тоже заметила, что тетя Катя часто приходит не вовремя, и тяжело вздохнула:

— Всегда оно так. Плохой человек — и в праздник не вовремя, а хорошему и среди ночи рады.

Тетя Катя была папиной сестрой. С тех пор, как папа уехал на полярную зимовку, она говорила:

— Моими глазами на вас смотрит Павел. Если бы я забыла про вас, он не смог бы спокойно дрейфовать на своем острове.

Надя однажды сказала, что дрейфовать можно только на льдине, а на острове нельзя, но тетя Катя отмахнулась от нее:

— Ты ничего не понимаешь, крошка. Они там на Севере все дрейфуют.

Иногда тетя Катя приводила с собой на ремешке пушистого белого шпица, которого звали Титан. В коридоре она спускала его с ремешка, и Титан бегал по всей квартире, жевал шторы у дверей и гадил в углах.

На этот раз тетя Катя тоже пришла с Титаном и тоже спустила его в коридоре с ремешка. Титан моментально исчез.

Полчаса пришлось сидеть в столовой и пить чай вместе с бабушкой и тетей Катей. Потом Надя побежала в спальню — хотелось читать.

У раскрытой двери спальни ее встретил Титан. Он заглядывал ей в глаза и весело помахивал хвостом, как будто просил, чтобы его за что-то похвалили.

«Наверное, опять нагадил», — подумала Надя и посмотрела в угол.

И вдруг глаза ее стали большими, испуганными, и из них часто-часто закапали слезы. В углу лежала изодранная и изжеванная Толькина книга, а возле дивана валялись клочки от ее листов.

Надя подбежала к книге, отогнула смятый переплет, потрогала мокрые, разорванные страницы и громко заплакала. Ворох бумаги, который валялся в углу, уже не был книгой.

Когда бабушка и тетя Катя вбежали в комнату, Надя швырнула книгу в тетю Катю и закричала:

— Вот что сделал ваш проклятый Титан! Чтоб он сдох! Водите сюда всякую гадость.

Тетя Катя рассердилась:

— Как ты смеешь так говорить о Титане! Из-за какой-то дрянной книжонки желать смерти моей собаке? Ноги моей больше не будет в этом доме! Я все напишу Павлу! Я расскажу ему, как жутко воспитывают его ребенка!..

Она выбежала в коридор и закричала оттуда на всю квартиру:

— Титаник! Титаник!

Бабушка тоже поспешила в коридор и долго что-то говорила тете Кате. Но до Нади доносились лишь звонкие теткинны слова:

— Нет! Я ему напишу! Нет! Пусть Павел знает! Нет! Не говорите мне!

Затем хлопнула выходная дверь, и бабушка появилась в дверях спальни.

— Что ж ты, Надюша, наделала! — всплеснула она руками. — Ах, как нехорошо! Уж так нехорошо! Так нехорошо!

Затем она, кряхтя, нагнулась к Наде, которая все еще сидела на полу, и спросила:

— Что хоть за книжка-то? Учебник какой?

Надя, всхлипывая, рассказала.

— Нехорошо... Нехорошо... — покачала головой бабушка. — И что теперь делать? Может, ему какую другую книжку отдать? У тебя ведь их много...

— Толька не возьмет. Эта ведь очень интересная.

В коридоре снова раздался звонок.

— Наверное, Катя что-нибудь забыла, — сказала бабушка и пошла открывать.

Но пришла не тетя Катя, а Валька Силина. Она вбежала к Наде в спальню и сразу увидела разорванную книгу.

— Это что? — спросила Валька.

Надя, не отвечая, смотрела в пол.

Валька взяла книгу и ахнула:

— Это же Толькина книга! Что ты с ней сделала!

— Это не я. Это тетикатин Титан.

Валька молча переворачивала изодранные страницы.

— Что же теперь будет? — тихо проговорила она. — Ведь Толька и мне из-за тебя ни одной книжки не даст.

— Но я же не виновата... — всхлипнула Надя.

— А кто же виноват? Я, что ли? — Валька решительно поднялась и стала застегивать пальто. — Ты брала книгу — ты и отвечай. Надо было смотреть за своим Титаном!

— Бабушка говорит, Тольке другую книгу дать, — сказала Надя. — Может, он возьмет, а?

— Не возьмет, — уверенно ответила Валька. — Нужно купить такую же.

На другой день после уроков Надя поехала с бабушкой в книжный магазин. Но там этой книги не было. Не было ее и в другом книжном магазине, и в третьем, и в четвертом.

— Давно продана, — отвечали продавцы. — Да и было-то ее немного.

Надя и бабушка вернулись домой усталые и огорченные.

— Ну, как? Купили? — спросила в школе Валька на другое утро.

— Нету се нигде.

Валька, не сказав больше ни слова, отвернулась и прошла мимо. Она сердилась.

Вечером Надя плакала, уткнувшись в подушку. Бабушка сидела рядом и гладила ее плечо.

Неожиданно она сказала:

— А что, Надюша, если написать туда, где книжка выпущена. Может, оттуда пришлют?

Надя, не успев вытереть слезы, соскочила с дивана и схватила изуродованную книгу, которая лежала на подоконнике.

Книга была выпущена в далеком сибирском городе Нижне-Туринске. Надя знала про этот город потому, что два года назад папу хотели послать ту-

да на работу. Он уже совсем согласился, и бабушка даже начала переключать свой сундук. А тетя Катя, которая до этого появлялась у них только по праздникам, стала приходить чуть ли не каждый день и, по-хозяйски оглядывая комнаты, бормотала:

— Здесь я поставлю ширму, а здесь — зеркало... Завтра же куплю еще пару темных шторм...

Но шторы она покупала напрасно — вместо папы в Нижне-Туринск послали кого-то другого.

Надя еще тогда жалела, что они не поехали — хотелось посмотреть новый город, прокатиться на поезде. А теперь ей и совсем было обидно: живи они в Нижне-Туринске, не было бы всей этой истории с Толькиной книгой.

Осторожно перебирая помятые страницы, Надя сквозь еще невысохшие слезы поглядела на нее. На самой последней странице было написано:

«Редактор И. Коваленко».

— Наверное, этот Коваленко там самый главный, — сказала Надя бабушке. — Может, ему написать?

— Давай напишем ему, — согласилась бабушка.

Они перешли в столовую. Бабушка, нацепив очки, стала писать в чистой тетрадке. Буквы у нее получались ломаные, как будто из них делали гармошку.

Надя тоже написала:

«Дорогой дядя редактор Коваленко!

Титан изжевал у меня чужую книгу. Теперь мне нечего отдавать Тольке. Пришлите, пожалуйста».

Утром по дороге на базар бабушка опустила письмо в ящик. А ответа Надя стала ждать уже с тех пор, как заклеила конверт, проведя по его краешку языком.

Проходили дни. Надя, осторожно разглаживая страницы и подклеивая их оторванные кусочки, уже

давно дочитала Толькину книгу. А ответа на письмо все не было.

Валька Силина перестала сердиться и вместе с Надей ждала, что вот-вот принесут толстый пакет с книгой из Нижне-Туринска.

Прошло больше недели с тех пор, как Надя взяла у Тольки книгу. Нужно было что-то делать.

— Давай я скажу ему, что ты заболела,— предложила Валя.

— Скажи.

— Только чем заболела-то? Как сказать?

— Ну... ангиной.

Валька усмехнулась:

— При ангине только и читать. Он скажет: пойдди да забери книгу. Нужна такая болезнь, чтоб я к тебе ходить не могла.

— Такой я не знаю,— растерянно произнесла Надя.— Может, коклюш?

— Коклюшем болеют в детском саду, а не в третьем классе,— уверенно сказала Валя.— Надо придумать взрослую болезнь.

— Давай, скажем подагру,— предложила Надя.— У меня бабушка подагрой болеет.

— А что у нее болит?

— Руки и ноги.

— Это не подходит. Болезнь надо заразную. У нас вот дворничиха всех «холерой» ругает. Говорят, холера — сильная болезнь...

— Ну, говори холеру,— согласилась Надя.

На другой день Валька рассказывала:

— Остановила я Тольку в коридоре и говорю, что ты холерой заболела. А он даже очки снял. «Это,— говорит,— в наше время случай редкостный». Я ему объясняю, что боюсь заразиться и к тебе не хожу. А он схватил с вешалки шапку, пальто и давай быстро одеваться. «Куда ты?»—спрашиваю. А он от-

вечает: «В скорую помощь звонить. Человек с холерой дома лежит, а ты тут рассуждаешь. В больницу ее надо». Я его еле удержала. Сказала, что тебя вот-вот должны увезти.

Теперь после уроков Надя почти бежала домой и, когда гуляла, не выходила со своего двора. На улице можно было встретить Тольку. Она даже перестала из-за этого ходить в кино и собирала в копилку деньги, которые бабушка, как и обычно, давала ей на билеты.

Когда кто-нибудь звонил, Надя теперь первая бежала открывать дверь. Но почтальона с толстым пакетом все не было.

Однажды вместе с газетой бабушка вынула из почтового ящика тоненькое письмо. На синем конверте было напечатано: «Нижне-Туринское книжное издательство».

Пока бабушка искала очки, Надя разорвала конверт и прочитала отпечатанный на машинке коротенький текст:

«Уважаемая тов. Зотова!

Ваша заявка передана в торговую организацию.

Зав. редакцией *Н. Мельников*».

Все здесь было непонятно. О какой заявке идет речь? Ведь они с бабушкой посылали письмо. И потом этот Мельников так и не написал самого главного — пришлют книгу или нет.

Бабушка, прочитав письмо, вздохнула:

— Вот и Катя, наверно, так бы ответила...

Теперь Надя уже совсем не знала, что делать. В последний день перед весенними каникулами она показала письмо Вальке, и они решили целый урок думать, как поступить. Валька думала честно. Учительница даже сделала ей замечание за то, что она все время смотрела в окно.

На перемене Валька предложила:

— Давай все по правде расскажем Тольке и отдадим ему письмо из Нижне-Туринска. Пусть выбирает другую книгу.

— Так ведь он же думает, что я в больнице...

— Да-а...— Валька задумалась и машинально потянула за красный бантик на косичке. Бантик развязался. Она сердито стала его завязывать.— Вот видишь! Заврались мы с тобой!..

И все-таки они решили на каникулах прийти к Тольке и рассказать ему правду. Другого выхода не было.

Однако идти к Тольке не пришлось. В первый же день каникул он уехал за город к брату. Надя, узнав об этом от Вальки, вытряхнула из копилки деньги и побежала в кино. Теперь она спокойно ходила в кино каждый день.

А в конце каникул, когда Надя уже ничего не ждала из Нижне-Туринска и даже перестала открывать дверь, к ним неожиданно пришел почтальон и положил на стол большой пакет, на котором было много марок. В пакете оказалась книга — та самая книга в красивом темнозеленом переплете, которую Надя ждала так долго.

Вместе с пакетом пришло письмо от редактора Коваленко, которому когда-то писали они с бабушкой. И первое, что поняла Надя, прочитав его письмо, было то, что Коваленко оказался не дядей, а тетей. Внизу стояла подпись: Ирина Михайловна Коваленко.

«Вернувшись из отпуска,— писала Ирина Михайловна,— я узнала о Вашей просьбе. Высылаю книгу и желаю Наде хорошо учиться».

В этот же вечер Надя и бабушка снова вместе писали письмо в Нижне-Туринск. Только на этот раз они ничего не просили. Они благодарили Ирину Ми-

хайловну и приглашали ее к себе в гости на следующий отпуск. В конверт бабушка вложила деньги за книгу.

Отправив письмо, бабушка записала в свою маленькую книжечку адрес Ирины Михайловны и сказала:

— К Маю поздравление пошлем. Хороших людей забывать не надо.

В первый же день после каникул Надя завернула книгу в чистую белую бумагу и понесла ее Тольке.

Он встретил ее удивленным взглядом:

— Ты так быстро вылечилась от холеры? Удивительно!

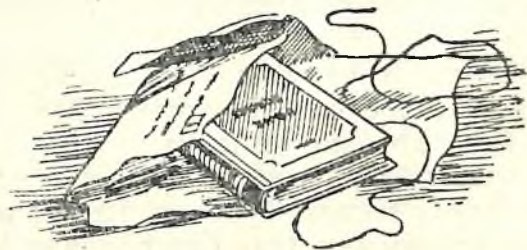
Надя покраснела от стыда. Но подводить Вальку ей не хотелось.

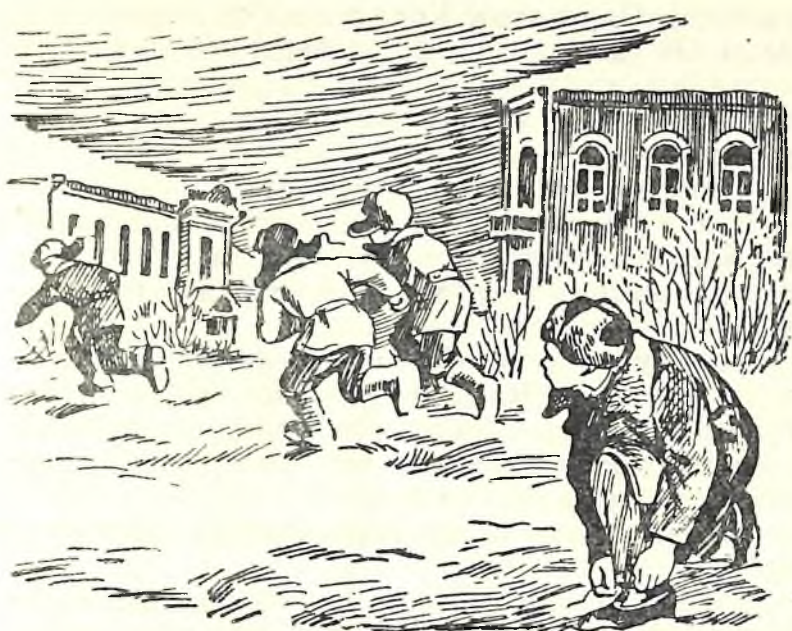
— А у меня оказалась не холера,— храбро сказала она.— Там что-то перепутали.

— Я же говорил, что в наше время такая болезнь — редкостный случай,— обрадовался Толька.— А в общем, тебе повезло. От нее запросто умереть можно...

Он взял из рук Нади книгу и, не глядя, равнодушно, сунул ее на полку. Потом поправил съехавшие набок очки, хлопнул Надю по плечу и сказал:

— Ты, в общем, молодец. Бери у меня читать, что хочешь.

П О З Д Н О

С утра настроение у Коли было прекрасное. В двенадцать часов в заводском клубе — елка, и у Коли в кармане пригласительный билет. Первоклашки уже были на елке и, захлебываясь от восторга, рассказывали, что там дают подарки, а у дверей всех, кто входит в клуб, встречает Дед Мороз и выдает маски или черные очки.

«Только бы не опоздать!— думал Коля.— А то вдруг масок не хватит».

Коле хотелось бежать на елку, как только он проснулся, но мама, не торопясь, готовила завтрак, а потом попросила принести дров и два раза послала

за водой. После этого Коле пришлось подметать комнаты. Он уж и так хитрил — ведра набирал почти до половины, чтобы можно было быстрее идти, под кроватями не мел, а выбраться из дому все никак не удавалось.

Наконец, в четверть двенадцатого мама дала ему чистую рубашку, шелковый пионерский галстук и выглаженные брюки. Ботинки Коля вычистил еще с вечера, поэтому собрался он быстро и уже минут через пятнадцать шагнул по улице.

До клуба недалеко — три квартала, но Коля все-таки торопился. На елке будут все третьи классы, и нужно не опоздать, чтобы получить маску. Насчет подарка Коля не волновался — их на всех хватит. А вот масок, говорят, маловато.

Вдруг мимо Коли пронеслись к клубу трое ребят.

«Опаздываю!» — решил он и тоже хотел бежать. Но, присмотревшись к ребятам, понял: тут что-то не то. Передний метался по всей улице и то и дело оглядывался назад. Коля узнал в нем Генку Сидорова из их класса. А за Генкой бежали Левка Чесноков и еще какой-то незнакомый мальчишка.

Левку Чеснокова знали все ребята в школе. И многие боялись его. Он сидел во втором классе третий год, был сильнее всех и мог отлупить кого хочешь.

Коля вспомнил, что в последний день перед каникулами Севка Лапин поссорился с Генкой и сказал:

— Вот погоди! Научу на тебя Левку Чеснока — тогда узнаешь!..

— Подумаешь! — махнул рукой Генка. — Плевали мы на твоих Чесноков!

А теперь вот что получается... Наверно, Генка шел в клуб, а они его подкараулили.

Как назло, в этот момент у Коли развязался шнурок на ботинке. Наверно, дома второпях плохо завязал.

Коля поставил ногу на низенький забор чьего-то палисадника и начал завязывать проклятый шнурок. Пальцы на морозе не слушались, двигались медленно.

Когда Коля снова повернулся вперед, ни Генки, ни Левки Чеснокова, ни третьего мальчишки уже нигде не было.

На следующем квартале Коля неожиданно увидел их во дворе заводской поликлиники. Сегодня, в воскресенье, поликлиника не работала. Двор был пуст, и на его середине Левка Чесноков с незнакомым мальчишкой всю колотили Генку. Он вертелся, как юла, пытался вырваться, но они его не пустили.

У Коли сжались кулаки. Налететь бы сейчас на них сзади! Вот бы здорово! Тогда еще посмотрели бы — кто кого! Они с Генкой тоже драться умеют!

Коля уже повернул во двор, но вдруг взгляд его упал на тонкую складку отутюженных мамой брюк. Брюки, конечно, помнутся...

Ну, а елка? А подарок? А маска? Что же — всему этому пропадать? Насажают синяков, разорвут что-нибудь... Куда после этого пойдешь?

Коля еще немного посмотрел во двор и решил: «Лучше не связываться».

Он отвернулся и быстро пошел к клубу.

Ребята собирались к подъезду клуба со всех сторон. Многие смеялись, шутили. А Колю уже ничто не радовало.

В раздевалке Вера Сазонова спросила его:

— Ты чего такой дутый? Сегодня праздник!

— Не твое дело! — буркнул Коля и отвернулся.

Случайно он взглянул на настенные часы. Было

всего без четверти двенадцать. Зря он так торопился! А там, наверно, Генку лупят...

Коля вдруг понял, что не сможет ни веселиться на елке, ни есть конфет, ни надевать маску, если сейчас же не поможет Генке.

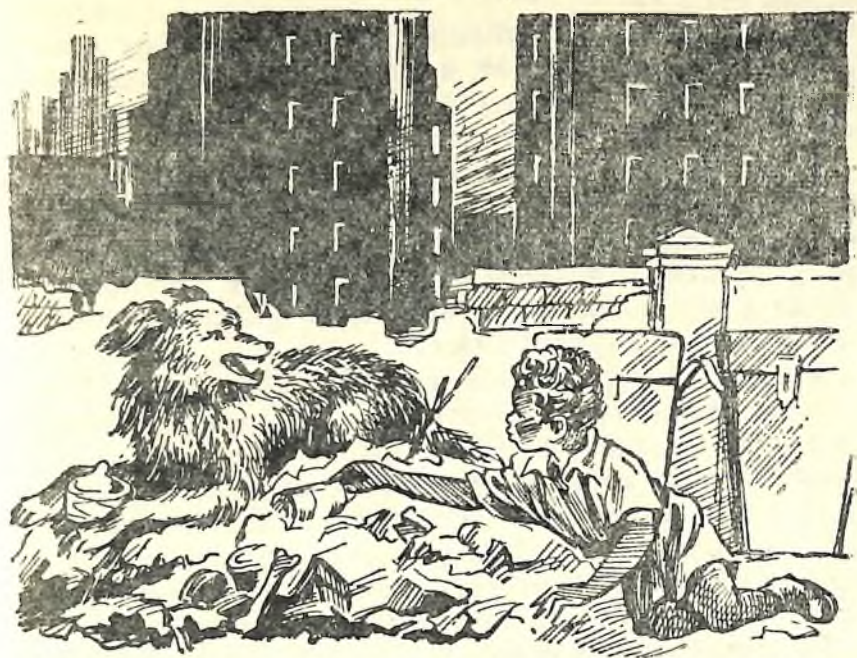
...Застегивая на ходу пальто, Коля выбежал на улицу и помчался к заводской поликлинике. Остановившись на секунду, он натянул варежки, засунул в правую носовой платок, чтобы удобней было бить, и побежал дальше.

Но когда он влетел в ворота, двор был пуст. Коля выбежал на середину и поглядел по сторонам — ребят нигде не было. Он тяжело вздохнул, сдвинул шапку на затылок и вытер со лба пот.

Поздно!

Возле своих ног, на снегу, Коля заметил несколько маленьких красных кружочков. Он нагнулся и вдруг понял, что это капельки крови. Видно, Генке разбили нос...

МАЛЕНЬКИЙ ДЖО

Джо сидел на кроватке и думал, что бы сегодня поесть. Еще вчера он вытащил из шкафчика банку джема, которую мама строго-настрого запретила трогать, и съел его. Суп и бобы были съедены еще в тот день, когда мама ушла на работу. С работы она почему-то не вернулась. И на другой день, когда Джо съел дома весь хлеб и джем, ее тоже не было. И сегодня нет. А кушать очень хочется...

Джо берет ботинок, долго прикидывает, на какую он ногу, и нерешительно надевает на правую. Со вторым ботинком управиться уже легче. Больше ничего надевать не надо. С тех пор, как мама ушла, Джо

не снимал с себя ни рубашку, ни штанишки, ни чулки. Вечерами он ждал ее, и раздеваться не хотелось. Он только хорошо помнил, что мама больно шлепала, если он ложился на кровать в ботинках.

Обыскав еще раз шкафчик, Джо нашел в углу запылившийся сухарь и тоненькую плиточку жевательной резинки в красивой зеленой обертке. Сухарь он тут же съел, а затем отправил в рот и резинку, сорвав с нее обертку и старательно разгладив блестящую серебряную бумажку.

Резинка быстро отдала всю свою приторную сладость и рассыпалась во рту на маленькие кусочки. Джо старательно собирал языком эти кусочки в один вязкий комок, который можно жевать долго-долго.

Наконец комок был собран. Перекатывая его во рту, мальчик сел на кровать и снова начал думать. Есть по-прежнему хочется. И куда это пропала мама? Неужели она не знает, что Джо голоден?

Почему-то вспомнилось, что зимой, когда с неба лил непрерывный дождь и во дворе нельзя было гулять, вот так же несколько дней не приходил домой папа. Джо спрашивал маму каждый вечер:

— А сегодня папа придет?

— Нет, сыночек.

— А почему?

— Я же тебе сказала — он в забастовочном комитете, ему некогда.

В первый вечер Джо спросил:

— А что это — комитет?

— Такая работа.

— Какая?

— Делать, чтобы всем было хорошо. Ты еще маленький. Вырастешь — узнаешь.

Джо в таких случаях разговор прекращал. Ему уже было почти пять лет, и маленьким он себя не считал.

Папа не приходил очень долго — так с тех пор он вообще и не пришел. Приходили тогда какие-то дяди и тети, мама плакала и надолго уходила с ними. Все кормили Джо конфетами и апельсинами, гладили по голове.

Как-то из разговора взрослых он узнал, что папу убили в пикете. Слово «убить» он уже понимал. Они с Беном из соседней квартиры не раз играли в гангстеров и сыщиков, которые ловили и убивали друг друга. Но убитый сыщик обычно сейчас же вставал и становился гангстером. Поэтому Джо думал, что папа тоже встанет и скоро придет домой. Что такое «пикет», Джо не знал, а спросить побоялся: опять скажут, что он маленький. Постепенно мальчик понял, что «убить в пикете» это совсем не то, что «убить сыщика». Сыщик продолжал играть, а папа так и не пришел...

А теперь нет мамы... Может быть, ее тоже убили в пикете?

Подумав об этом, Джо заплакал. Но плакал он недолго — все равно в комнате никого не было. Наплакавшись, он заметил, что лежит в ботинках прямо на одеяле, и сейчас же спустил ноги.

Резинка надоела, и Джо выплюнул ее на пол. По-прежнему сильно хотелось есть. Ждать больше он не мог. Надо было искать маму.

Джо завязал шнурки и пошел к двери.

На лестнице никого не было. Мальчик долго в нерешительности стоял на площадке первого этажа, не зная, куда направиться — во двор или на улицу. Во двор он ходил почти каждый день, и туда ему ходить разрешалось. На улицу ему раз и навсегда запретили выходить.

В конце концов Джо сообразил, что мама всегда приходила с улицы. Он еще немного подумал и решительно толкнул обеими руками стеклянную дверь.

По тротуару мимо подъезда в обе стороны торопливо бежали люди. Джо попытался остановить одну белую тетю, чтобы спросить у нее, где мама. Но тетя, как будто испугавшись чего-то, обогнала мальчика и быстро пошла дальше. Тогда он ухватился за брюки какого-то дяди, надеясь спросить про маму у него. Но не успел Джо раскрыть рта, как дядя обернулся и пнул его ногой так, что он отлетел к самому краю тротуара — туда, где пронеслись автомобили. Рывкнув: «Черномазая обезьяна», дядя ушел.

Несмотря на сильную боль в животе и ссадины на ногах, Джо перебрался поближе к домам. Здесь он немножко отдохнул на ступеньке чужого подъезда и пошел дальше.

Теперь он не останавливал белых. Ничего хорошего от них он не ждал. Внимательно вглядываясь в лица прохожих, Джо увидел, наконец, тетю с такой же, как у него, темной кожей.

— Мэм, — бросился он к ней. — Вы не скажете, где моя мама?

— А где ты ее потерял, мальчик? — нагнулась к нему тетя.

— А я ее не терял. Она сама не пришла с работы.

— А где она работает?

— На заводе, мэм.

— На каком заводе?

— Не знаю, мэм. Скажите, почему ее нет?

— Откуда же я знаю, мальчик? Мало ли что может случиться с черной женщиной в нашем городе... Тебе надо ждать ее дома. Зачем ты вышел на улицу?

— Я хочу кушать, мэм. И потом ее могут убить в пикете.

Тетя вдруг взглянула на часы и куда-то заторопилась. Открыв сумочку, она вынула конфету, суну-

ла ее в руку Джо и быстро ушла, сказав на прощанье:

— Иди домой, мальчик, и там жди маму. Не ходи больше по улице!

Конфета оказалась очень вкусной. В другое время Джо долго ел бы ее маленькими кусочками. Но сейчас он был слишком голоден.

Когда от конфеты ничего не осталось, Джо аккуратно уложил красивую обертку в карман и собрался уже было послушаться добрую тетю и повернуть назад. Но страшный скрежет металла отвлек его внимание. На перекрестке столкнулись две машины.

Когда мальчик добежал до них, возле машин уже хлопотали какие-то люди, осматривали повреждения и громко спорили. Худенький человек в шляпе суетился и что-то записывал в книжечку. Сквозь толпу пробирался полисмен с короткой полосатой палкой в руке.

Когда полисмен подошел, Джо понял, что этот человек здесь самый главный. К нему все обращались, рассказывали, как столкнулись машины, и делали все, что он скажет. Скоро обе машины были убраны в боковую улицу, а толпа разошлась.

Тогда Джо решил спросить у полисмена, где мама. Раз он самый главный, он должен знать!

Осторожно потянув за полосатую палку, мальчик проговорил:

— Сэр, может быть, вы знаете, где моя мама?

Полисмен посмотрел вниз, и лицо его неожиданно стало красным.

— Чего тебе, черный шенок?— закричал он.

— Я ищу маму,— расплакался Джо.

— Не путайся под ногами! Тебе не место на улице!— опять закричал полисмен и, схватив Джо за пояс штанишек, так что они больно врезались в ноги, понес через тротуар к ближайшей подворотне.

Здесь полисмен швырнул его на землю и крикнул, чтобы он больше не выходил на улицу.

Джо сел на камень и хотел было заплакать, но раздумал. Опять захотелось есть, и он уныло побрел в глубь темного и грязного двора.

Неожиданно он почувствовал кисловатый запах и увидел вблизи, возле больших белых баков, мусорную кучу. Такая же куча собиралась и у них во дворе, когда не вывозили мусор. Джо вспомнил, что в нем иногда валялись куски хлеба и сухие маисовые лепешки. Тогда он не обращал на это внимания. Сейчас кусок хлеба или маисовая лепешка показались бы ему лакомством. С минуту поколебавшись, Джо повернул к мусорной куче.

Большой кусок хлеба сразу же бросился ему в глаза. Он уже было протянул за ним руку, как вдруг из середины кучи, прямо на него выскочила огромная рыжая собака с узкой консервной банкой в зубах.

Джо испуганно отдернул руку и замер, ожидая, что собака сейчас его съест. Но она опустила на землю банку, сунула в нее морду, взвизгнула и, сердито оттолкнув банку лапой, стала рвать зубами хлеб, за которым протягивал руку Джо.

Банка медленно покатилась по асфальту и задержалась у ног мальчика. Он нагнулся и поднял ее. Глубоко на дне, плотно прижатые к стенкам, лежали протухшие кружки мягкой колбасы. Джо засунул в банку руку, вытащил один кружок и откусил от него половину. Сейчас же раздалось сердитое рычание. Уничтожив хлеб, собака страшными глазами смотрела на Джо.

Мальчик бросил на асфальт оставшийся в руке кусок колбасы и, пока собака ела его, успел вытащить из банки еще кружочек и тоже откусил от него половину. Вторую половину пришлось отдать собаке.

Точно так же Джо поступил и с остальными кружочками. Один из них он успел спрятать в карман для мамы. Когда банка опустела, Джо выбросил ее. Собака понюхала банку, виляя хвостом, подошла к Джо и лизнула ему руку.

«Теперь она меня, наверно, не съест», — подумал мальчик и немного осмелел. Поднявшись по мусору к крышке одного из баков, он с трудом откинул ее. Под крышкой лежал обкусанный кем-то большой кусок хлеба. Джо взял его, отломил корку и бросил собаке. Всю мякоть он съел сам, а оставшуюся корку опять бросил собаке. Джо уже не боялся ее. Он понимал, что она тоже хочет есть и что ее тоже некому накормить.

Наевшись, он слез с кучи. Ему вдруг захотелось спать. Заныло в животе, и Джо вспомнил о пинке сердитого белого дяди. Как хорошо было бы сейчас дома, в кроватке! Но где дом, Джо уже не знал.

Собака как будто поняла, о чем он думал. Она лизнула ему руку и осторожно потянула за штанишки. «Может быть, она знает дорогу домой?» — подумал Джо и пошел за ней.

Но собака шла не на улицу, а в глубину двора. На поворотах она останавливалась и ждала.

Наконец, они пришли в тускло освещенный грязный подъезд. Собака юркнула куда-то за дверь, под лестницу, и, сейчас же выскочив оттуда, потянула за собой Джо. Лезть под лестницу было страшно, но очень хотелось спать.

Через минуту Джо лежал на чем-то мягком и теплом и вытирал рукавом рубашки облизанное собакой лицо. Затем он положил голову собаке на спину, погладил ее морду, потрогал холодный мокрый нос и крепко уснул, прижимая рукой кружочек колбасы в кармане.

А в это время в его комнате сидели у стола две женщины — белая и негритянка. Они устали, обыскав комнату, лестницу, двор и даже чердак. Сына Глории нигде не было, и никто не видел его сегодня. Что же делать? Как рассказать ей? Переживет ли Глория это? Ведь только зимой у нее убили мужа, позавчера она потеряла на заводе ногу и теперь, после больницы, ее наверняка уволят с работы и выгонят из квартиры за неуплату аренды. А тут еще пропал ее малыш! Как жаль, что она так поздно пришла в себя и смогла написать им записку о мальчике! Может быть, еще вчера они бы его здесь застали... А где он теперь, маленький, голодный, беспомощный? Кто сможет найти его в этом огромном городе? Да и кто возьмется искать негритенка?

СОДЕРЖАНИЕ

Сашка	3
Чужая книга	15
Поздно	27
Маленький Джо	31

Давыдов Исая

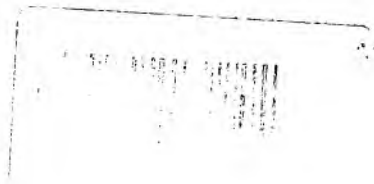
ЧУЖАЯ КНИГА

Редактор *К. И. Ткаченко*
Техн.редактор *Л. Т. Овечкин.*
Корректор *С. И. Михеева.*

Подписано к печати 11/XI-57 г. Формат 60x84¹/₁₆.
2,5 печ. листа. 1,75 уч.-изд. листа. Тираж 40 тыс.
экз. РД 02807. Заказ № 8106. Цена 60 коп.

Типография № 1, Тюмень, Первомайская, 11.

102

Цена 60 коп.